

·РЕТРОДЕТЕКТИВ·

АНДРЕЙ КУРКОВ

СЕРДЦЕ—
НЕ
МЯСО

РОМАН

Харьков
«ФОЛИО»
2021

КРАСНОАРМЕЕЦ ПЫТАЛСЯ ШТЫКОМ

ГЛАВА 1

Апрельский ранний вечер дышал негромкими голосами прохожих. Обрывки слов и фраз смешивались легким ветром в приятный и благозвучный гоголь-моголь. «Пить» его, как и любую музыку природы и человеческой жизни, возможно было только ушами. И «питие» это по вкусу было не-навязчивым.

Самсон шел слева от товарища. Оголенная ушная раковина справа внимала всем шумам мира. Иногда он ловил себя на мысли, что некоторые звуки, влетающие справа, совершенно не слышны левым ухом. И это его на самом деле не огорчало. Скорее наоборот — радовало и добавляло доверия всему, что он слышал слева.

— И теперь у нас в доме такая путаница, что этот новый жилец Сафронин, когда выпьет, вместо своей двери в мою ломится, — услышал левым ухом Самсон, когда обогнали они с Холодным двух молодых женщин, гулявших, если судить по скорости их шага, явно бесцельно.

Прозвучавший голос показался Самсону приятным, и он обернулся, бросил взгляд на брюнетку с приглаженной прической, заметил, как блеснул в ее рту золотой зуб.

Самсон и Холодный спешили со службы на пиво. Заканчивавшийся четверг не оставлял по себе никакой памяти. Разве что Найден уже в пятый или шестой раз потребовал у Самсона убрать из кабинета манекен с костюмом Якобсона, утверждая, что тот вбирает в себя сырость, а потом ее же возвращает в виде простудного кашля сотрудникам участка. Найден действительно покашливал, но ведь Самсон, сидевший в полусажени от манекена, оставался здоровым! Если в нем что и болело, то только заживающие раны от двух пуль из «дамского» пистолета, но и они, по правде, на обнаруженную Найденным сырость не реагировали, хотя строгая княжна-хирург Вера Игнатьевна Гедройц, провожая Самсона из больницы, на прощанье напутствовала: «Избегайте сырости! Держите тело в сухом тепле!» Да и хочешь не хочешь, а манекен с костюмом теперь являлись казенным имуществом, ведь за них было заплачено! Но главный хранитель вещдоков, усатый и остроносый

Василь наотрез отказывался брать манекен в свою кладовку. «Дело закончено, и мне он тут не нужен! — говорил он. — Пропарь его против блох да домой за-бери! Будет вместо вешалки!»

— Не нравится мне эта идея с памятником Иуде Искариоту! — покачал головой Холодный и на ходу обернулся к спутнику, ожидая услышать его мнение.

— Да, как-то странно, — согласился Самсон. — Памятник самоубийце? Памятники за усердие, за подвиг ставят! В чем подвиг Иуды? — и Самсон пожал плечами.

— Ну сребренники-то он вернул первосвященникам! — продолжил размышлять Сергей Холодный.

— А потом удавился, — добавил Самсон. — Предал, раскаялся, самоубился... Тут нет подвига и нет смерти за идею!..

В этот момент совсем рядом саданул, как из пулемета, грубый и сиплый мужской голос: «Сука, держи ее! Ванюха! Стреляй!» и за спиной загромыхали ружейные выстрелы — пять или шесть. И сразу топот разбегающихся прохожих заглушил их покотившееся по булыжной мостовой эхо. И перед глазами Самсона и Холодного, остановившихся на полушаге и полуслове, эхо выстрелов покатилося вперед, как оторвавшееся от пролетки колесо, и следом за почти видимым эхом перед ними, странно ковыляя и подпрыгивая, выбежала собака, державшая в пасти что-то белое, может, кость, и ее задние лапы вдруг обогнали пе-

редние, отчего она завалилась на бок. Тут настигли ее двое красноармейцев с винтовками. Один, матерясь громогласно, проткнул уже неподвижную собачью плоть штыком, а второй просто остановился рядом и задышал тяжело, будто версту пробежал. Первый вытащил штык из собачьего бока и тыркнул его в кусок сала, зажатый в пасти.

Холодный и Самсон неподвижно глазели на происходившее. Ближе подошли и другие прохожие, ранее испуганно отскочившие под стены домов. Они поняли, что этот вечер откупится от большевиков жизнью пса. Красноармеец все еще тщетно пытался штыком выдернуть из собачьей пасти сало.

— Вот сука! — прорычал он и обернулся к товарищу: — Ну подмоги, чего стоишь!

Товарищ прицельно ввел штык в не полностью сомкнутую пасть и поднял взгляд на Холодного.

— Эй, стань сапогом на морду! — потребовал он.

Холодный сделал шаг вперед, придавил сапогом морду собаки к мостовой. После этого второй красноармеец резко нагнул винтовку, как рычаг железнодорожной стрелки, и что-то хрустнуло. Сало, высвобожденное из собачьих клыков, победоносно поднялось на штыке. В месте прокола оно было красным от крови.

— Пошли! — бросил второй красноармеец первому, оглядываясь с опаской по сторонам и ощущая, видимо, неудобство из-за собравшейся любопытствующей толпы.

Первый тоже с осторожностью во взгляде глянул на Самсона и Холодного, одетых в кожанки. Не снимая сала со штыка, он закинул винтовку на плечо.

И они скорым шагом отправились назад, в ту сторону, откуда преследовали убитую собаку.

— Вот и я тоже не пойму зачем? — вернулся к превранному разговору Самсон. — Он же как бы предатель! «Кого я поцелую, того и берите!»

— Да конечно предатель! — охотно поддакнул Холодный. — Но отчего-то товарищ Троцкий считает его революционером и бунтарем, восставшим против религиозного диктата!

— Значит, товарищ Троцкий считает, что революционеры — это предатели?

— Предатели прошлого мира, — кивнул Холодный. — Оно вроде как и верно! Чтобы создать новый мир, надо предать старый... Сиречь без помощи предателей мир не переустроишь к лучшему!

— Но все равно! Как ни говори, а сначала он за ним пошел, за Иисусом? По слепоте душевной?

— Он искал, за кем пойти! В нем сидела жажда революции. Он мог думать, что сам Иисус — революционер и борец с прошлым миром, — продолжал рассуждать Холодный. — А когда увидел, что не туда ведет Господь, остановил его. То есть тут Иуда выступает как представитель обманутого народа, обманутого класса. Правильно? — Холодный в раздумье прикусил нижнюю губу, не будучи уверенным до конца в собственных выводах.

— Матушка виновата, — сказал вдруг решительно Самсон, словно понял что-то важное. — На древнееврейском «Иуда» значит «Восхваляющий Господа». Матушка назвала его так еще до появления Иисуса. Поэтому он за ним и пошел! А потом отрекся и от Иисуса, и от себя! Самоубийство — это ведь добровольное отречение от продолжения жизни.

Холодный многозначительно закивал.

— А ты откуда древнееврейский знаешь?

— Нет, не знаю. В гимназии, помню, библейские имена учили...

В пивной они взяли по бокалу «Кабинетного» и уселись за грязный стол. Чистых к этому времени уже не осталось.

Самсон сделал глоток и ощутил на языке сладковатый привкус крови. Как в детстве, когда кто-нибудь в драке ему разбивал губу. Сделал еще один глоток, и привкус смыло. Теперь все становилось на свои места. Во рту приятно загорчило. В голове задурманилось чуток, но он знал, что пока это только воображение, которое обгоняет реальность. Чтобы задурманилось по-настоящему, надо выпить по три бокала. «Кабинетное» до революции было слабеньким, не то что сейчас! Сейчас его делали по-другому, по-новому.

— К нам на усиление чекиста прислали, вместо Пасечного! — протянул Холодный, облизывая толстые губы. — Фамилия Абязов, щуплый парень, лицо наостренное, как бритва, неприятное!

— Стреляет хорошо? — поинтересовался Самсон.

— Наверное, — предположил Холодный. — Говорят, им там на живых мишенях глаз и руку набивают. С ним сегодня Найден часа два разговаривал. Василь им дела разные носил. Поглядим!

За окном пивной горели фонари Крещатика. Иногда цокали копыта пролеток и бричек, проезжал трамвай, как яркая горизонтально блуждающая лантерна¹.

— Я что-то изголодался, — пробурчал Холодный, глядя на свой пустой пивной бокал. Поднял голову, потом руку, помахал: — Еще один «Кабинетного»! — крикнул.

Когда официант принес пиво, Холодный спросил о еде.

— Бутерброды наличествуют: с салом, с солеными огурчиками, с тюлькой, — ответил официант.

— С тюлькой и с огурчиками, по два! — сказал ему Холодный. — С салом не надо!

— А сало с кровью? — заинтересовался Самсон.

— Почему с кровью? — удивился официант. — У нас сегодня крыжок есть и бочок! Бутерброды французской горчицей мажем!

— Мне два с бочком! — попросил Самсон.

— Ну тогда и мне два с бочком! — бросив задумчивый взгляд на товарища, вставил Холодный.

¹ Лантерна (от лат. *lanterna* — «лампа», «светильник») — небольшая башенка на вершине купола, увенчанная собственным небольшим куполом или шатром.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	3
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	70
Глава 8	84
Глава 9	93
Глава 10	102
Глава 11	116
Глава 12	127
Глава 13	137
Глава 14	150
Глава 15	158
Глава 16	170
Глава 17	185
Глава 18	198
Глава 19	212
Глава 20	229

Глава 21	241
Глава 22	255
Глава 23	269
Глава 24	284
Глава 25	296
Глава 26	312
Глава 27	328
Глава 28	341
Глава 29	351
Глава 30	364
Глава 31	377
Глава 32	390
Эпilog	405